

УДК 1 (430) (47+57)

Язык как социальный феномен в концепциях

В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни

И.И. Хайруллин

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. Статья анализирует язык как начало, объединяющее поэзию, культуру и общество. Связь между языком, культурой и искусством представляет лингвистическая концепция В. фон Гумбольдта, которая сравнивается с концепцией выдающегося филолога и литературоведа А.А. Потебни. Раскрывается проблема происхождения языка и цели существования языка (роль социального интегратора у Гумбольдта и символа у Потебни). Показывается, что язык выступает как социальный факт, как явление, обусловленное социальными практиками, и, следовательно, язык даже отдельного индивида (как его мышление, и его мировоззрение) будет меняться по мере изменения его социального статуса.

Abstract. The paper contains a thorough analysis of a language as a means of poetic, cultural and social integration. This concept has been presented by W. von Humboldt, and compared with a linguistic concept by A.A. Potebnya, a distinguished figure in philology and literature studies. It has outlined the issue of a language origin and the role of a language. Humboldt sees a language as a social integrator, while for Potebnya it is a symbol. The paper shows a language as a social factor, as a matter caused by social practices. Therefore, as long as a person's social status changes, his thinking and outlook are set to change as well.

1. Введение

То, что между языком, культурой и искусством существует теснейшая и сущностная связь, было ясно уже в конце XVIII в., перед тем, как на историческую и научную сцену вышла лингвистическая концепция В. фон Гумбольдта. Однако в эту эпоху в Германии языковые исследования – во многом под впечатлением от открытия санскрита, из исследований которого становилось ясно, что между индийскими и европейскими языками есть множество далеко не случайных сходств, свидетельствующих, вполне вероятно, об их родстве, – вращались вокруг идеи универсального языка, в котором можно было бы воплотить человеческую мысль наиболее полно и точно. Эти поиски "адамова языка" впоследствии стали одним из важнейших мотивов европейской философии XX в., а именно, неопозитивизма с его идеей необходимости сконструировать идеальный логический язык, который мог бы точно отразить логическую структуру мироздания.

Конечно, лингвистические и логические исследования неопозитивистов (таких, как Витгенштейн или Рудольф Карнап с его призывом к терапии языка, к избавлению его от метафизики посредством логического анализа языковых структур) не имели уже целью найти "адамов язык" в собственном смысле слова, то есть тот язык, на котором говорило когда-то прачеловечество, и от которого пошла потом все существующие сегодня в мире языки. Философы XX в. интересовались больше не историческим, а именно логическим праязыком, исходя из допущения, что сама Вселенная имеет логическую, рациональную структуру, или что, по крайней мере, ее можно успешно и без насилия над наблюдаемыми фактами представить как логичную. Мыслители же более ранних эпох, исследуя разные языки в поисках праязыка, имели в виду именно тот язык, на котором говорили первые люди, – тот язык, которым пользовалось человечество до Вавилонского смешения языков, если использовать образы из Ветхого Завета. Нельзя не отметить, что сама идея единого праязыка навеяна, по всей видимости, именно библейским текстом, в котором Адам дает истинные имена всем вещам, т.е. создает истинный язык, который после инцидента с Вавилонской башней забывается, а лингвисты XVII-XVIII вв. пытаются этот язык реконструировать. "Идея всеобщего языка, которая в Германии в рамках сравнительно-исторического метода воплотилась в поисках гипотетического индоевропейского праязыка, была, по сути дела, продолжением идеи всеобщего универсального языка, разрабатываемой в Европе на протяжении XVII-XVIII веков. В Германии идея всеобщего "рационального" языка жива и в начале XIX века" (Блинов, 1987).

Эти идеи во всей своей полноте реализовались в философии языка В. фон Гумбольдта, который выступает здесь прямым наследником немецких и французских мыслителей Нового времени с их рационализмом и с характерными для них представлениями о рациональном познании как о познании единственно значимом. Через Гумбольдта эти идеи пришли и на русскую почву, выразившись в трудах выдающегося филолога и литературоведа А.А. Потебни.

2. Язык как базовый элемент культуры

Давно стало самоочевидным утверждение, что язык представляет собой базовый элемент культуры, на котором строятся все культурные связи и отношения в данном обществе, так что язык можно представить как феномен, обеспечивающий социальную связь в социальной структуре. Он, таким образом, выступает как возможный объект исследования не только лингвистики и культурологии, но и социологии, что видно, например, по специфике языковых практик в различных социальных стратах.

С другой стороны, язык – это среда развития искусства, которая не может не влиять на особенности развития художественных принципов любой данной культуры и, в конечном итоге, определяет художественное видение мира в рамках данной социальной общности. Отсюда следует, что язык определяет не только социальные отношения как таковые, но и восприятие их отдельным человеком как социальным агентом, а также и восприятие им внешнего, внесоциального мира. Кроме того, эта же особенность языка воздействует и на способы самовыражения индивида, т.е. на те коммуникативные практики, посредством которых человек как часть общества "подключается" к социальным и культурным отношениям. В самом деле, нетрудно заметить, что мы участвуем в жизни общества в значительной мере через участие в коммуникативных отношениях, а они возможны тогда, когда мы имеем возможность выразить собственные потребности, желания, эмоции, которые в данном случае становятся инструментом влияния на социум и его изменения.

Язык представляет собой начало, объединяющее поэзию, культуру и социум: роль первой (попробуем дать здесь предварительное определение) заключается в конструировании средств выражения личности человека во всей ее неповторимости и уникальности; роль второй – давать человеку средства формализации его поведения и уменьшать свободу его действий, формируя в его сознании представления о должном и недолжном (в самом широком смысле этих слов, включающем в себя не только этический аспект, но и эстетический); роль третьего – по отношению к отдельному индивиду – поддерживать существование человека, помимо всего прочего, также и специализацией деятельности индивидов, каждому из которых отводится своя собственная сфера активности, где он может проявить свои силы.

Одной из основных и наиболее трудных для решения проблем в философии языка на рубеже XVIII-XIX вв. была проблема происхождения языка, которой уделили внимание и Гумбольдт, и его духовный наследник Потебня. В самом деле, что послужило тем первотолчком, с которого началась эволюция языка? Вполне можно допустить (в полном соответствии с господствовавшей в европейском философском мышлении эпохи Просвещения парадигмой деизма), что язык, уже появившись на свет, далее развивался независимо от воли его создателя, если таковой был, и существовал и существует уже по собственным, имманентным законам. Но каково было его начало? Был ли он создан кем-то сознательно и преднамеренно? Был ли он дарован человеку богом или же был выработан самим человеком независимо от каких бы то ни было сверхъестественных инстанций? Вырабатывался ли он постепенно, шаг за шагом, деталь за деталью, или же возник сразу в готовом виде, со всеми своими сложными грамматическими категориями, принципами синтактики, семантики и прагматики, с готовым лексиконом и т.д.?

3. Гумбольдт о происхождении языка

Рассматривая эту проблему, Гумбольдт обращает внимание на очень важную ее особенность: эту проблему можно адекватно разрешить, только дав прежде ответ на вопрос о целях существования языка. Какую роль играет язык в человеческой жизни и какую пользу приносит он человеку? Что он позволяет делать человечеству? "Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества, – пишет Гумбольдт. – Язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением" (Гумбольдт, 2000а). В контексте рассматриваемой нами проблематики это означает, что основная роль языка в концепции Гумбольдта – это роль социального интегратора, который обеспечивает человеку эффективное социальное взаимодействие с остальными членами общества. Момент обусловленности языка внутренней потребностью именно человечества, а не отдельного человека в данном случае принципиально важен, так как язык здесь оказывается порождением социума в целом, человек же по отношению к языку, используемому в обществе, выступает подчиненным началом, так что язык, будучи, в общем и целом, произволен относительно вещей и явлений, которые он обозначает (не существует никакого "абсолютного" имени, которое можно дать тому или иному объекту, и все имена суть только ярлыки, никак не выражающие сущность обозначаемых ими вещей), является безусловным относительно человека, говорящего на нем.

Таким образом, язык в теории Гумбольдта представляет собой социальный и, во всяком случае, интересубъективный факт, и в свете именно этого тезиса следует осмысливать его роль в обществе и ту пользу, которую он может принести отдельному человеку.

Кроме того, вовсе не случайно один из поставленных нами выше вопросов был сформулирован с применением глагола "делать". В самом деле, язык у Гумбольдта – это средство для того, чтобы действовать, изменять мир, и в этом заключается уникальность его концепции. Вильгельм Гумбольдт был первым среди лингвистов, который сознательно положил в основу своей концепции языка принцип деятельности и осуществил деятельностное представление языка, развернув тезис о языке как деятельности в теоретическом плане. Итак, что же, согласно концепции Гумбольдта, позволяет язык сделать человеку и человечеству?

Гумбольдт был, как известно, наследником классической немецкой философии, и идеи Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля не могли не повлиять на его собственное мировоззрение. В гегелевской же философии, исключительно популярной в те годы, эволюция мироздания объясняется как процесс саморазвития некоего абстрактного духа, который, развиваясь, переходит от абстракций ко все большей конкретности. Собственно, сам эволюционный процесс – это процесс саморазвития субъекта. "Опыт сознания в философии Гегеля оказывается метафизикой субъекта в противовес "метафизике объекта" Канта, поскольку опыт сознания есть осознание субъектом самого себя. И субъект становится Абсолютным в той мере, в какой он обретает несомненный опыт достоверности только самого себя. Этот опыт освобождения сознания овеществляется в гегелевской феноменологии, которая становится наукой на основе трех ее важнейших принципов, а именно: 1) сознание есть свое собственное понятие; 2) сознание обеспечивает себя своим собственным критерием; 3) сознание само себя проверяет" (Сергеев, Слинин, 2002).

Нечто очень близкое к этому мы находим в текстах Гумбольдта: в его теории понятие языка фактически заменяет собой гегелевское понятие субъекта, язык в концепции Гумбольдта играет те же (или, по крайней мере, сходные) функции, что и дух или субъект в философии Гегеля. В гегелевской философии субъект обладает, прежде всего, способностью к саморефлексии, к тому, чтобы, используя собственное выражение Гегеля, быть не только "в себе", но и "для себя", или обладать самосознанием. У Гумбольдта роль инстанции, обеспечивающей субъекту самосознание, исполняет язык, ибо не только коммуникация, но и вообще всякое мышление, всякая сознательная, целенаправленная деятельность возможны только посредством языка. Он прямо пишет об этом: "Можно считать общепризнанным, что различные языки являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия, что большое число предметов создано обозначающими их словами и только в них находит свое бытие" (Гумбольдт, 2000б). Иными словами, язык представляет собой единственную среду, в которой только и может осуществляться мышление, и никакое мышление без языка и вне его представляется невозможным. Здесь, правда, нам могут возразить, указав на существование так называемого "образного мышления". Но этот довод основывается просто на неправильном понимании самого понятия "мышление": "образное мышление" – не что иное, как воображение, которое не следует смешивать с мышлением в собственном смысле этого слова.

Происхождение же языка становится в свете всего сказанного значительно более ясным. Возникновение языка обусловлено глубинными силами, заложенными в самой "природе" человека (что бы ни означало это слово), и является нам фактически как инстинкт – примерно в том же смысле, в каком Фрейд позднее говорил о свойственных человеку бессознательных влечениях, проявляющихся в виде целенаправленных действий для удовлетворения инстинкта или в виде невротических реакций в том случае, когда влечение не может быть удовлетворено прямо и непосредственно, и даже само существование такого влечения отрицается человеком. Концепция психики, выдвинутая Фрейдом, имеет, как известно, "гидравлический" характер: в нашем бессознательном есть инстинкты, которые требуют реализации независимо от того, есть ли в поле зрения данной особи какой-либо объект, который был бы способен утолить влечение, и могут выплескиваться вовне даже на, казалось бы, совершенно не подходящие для этого предметы.

Нечто подобное мы видим и в концепции Гумбольдта: язык существует в ней как инстинктивное влечение, которое сохраняется в человеке независимо от того, есть ли рядом кто-то, к кому можно было бы обратиться с речью. Поэтому нельзя сказать, что язык был создан конвенционально – так, как изображалось в так называемой "теории общественного договора" возникновение государства, когда люди, испытывая определенную потребность в социальной жизни, грубо говоря, собрались вместе и решили отдать часть своих естественных прав суверену, которому они доверили управление массами народа. Язык не был результатом общественного договора, но еще меньше был он результатом божественного творения. Именно с этим взглядом активно полемизировал духовный наследник Вильгельма фон Гумбольдта – Александр Афанасьевич Потебня.

4. Потебня о социальной природе языка

В его время (середина XIX в.) большую популярность в среде языковедов приобрела концепция К. Беккера, согласно которой любой язык в той или иной степени выражает и воплощает в себе одну и ту же логику. Сам Потебня суть этой концепции формулирует так: "Логика одна и одни формы мысли у всех народов; поэтому и языки, органические воплощения мысли, должны бы различаться между собой только по звукам, а не по значению своих форм, должна существовать одна грамматика (философская, как ее называли в

старину), равно обязательная для всех языков" (Потебня, 1999). Такая концепция, совершенно очевидно, была наследницей классического новоевропейского рационализма с его стремлением очистить мышление от различных иррациональных и вообще случайных элементов, чтобы привнести в него максимальную возможную ясность. Весьма характерной такой точкой зрения была, например, для Декарта, который прямо искал несомненных и самоочевидных оснований мышления, то есть оснований принципиально *неслучайных*. Вообще рационализму XVII в. был свойствен специфический взгляд на само понятие истины. "Она должна быть непременно абсолютной, полной, вечной и неизменной. Ей присущ всеобщий и общеобязательный характер, т.е. она необходима по своему содержанию и столь же необходимо должна быть принята всеми людьми. Те истинные понятия, суждения, теории, которые не отвечают перечисленным требованиям, считаются истинными не могут. Декарт утверждал, что только абсолютное может быть принято за истинное, а знания относительные, приблизительные, только лишь вероятные следует отвергнуть" (Нарский, 1974).

Таким образом, язык в концепции Беккера понимался как культурная инстанция, которая должна точно и полно описывать внешнюю, не зависящую от человека реальность, построенную по единым законам, тождественным законам самого мышления (впоследствии, заметим, эта парадигма мышления нашла свое воплощение, в частности, в феноменологии Гуссерля, который задачей своей ставил исследование аподиктических структур сознания). Основная проблема состоит здесь, согласно Потебне, в том, что данная концепция не учитывает связь человеческого языка не просто с абстрактной "внешней реальностью", а с великим разнообразием ситуаций, в которых оказываются люди на протяжении жизни не только человечества или народа, но даже и отдельного индивида. Более того, возможно существование не только объектного языка ("языка первого порядка"), но и метаязыка. И какой же должна быть метаязыковая логика? Если она будет такой же, как у объектного языка, то неизвестно, сможет ли метаязык выполнять предназначенные ему функции; если же она будет иной, то вряд ли метаязык сможет справедливо называться языком. Собственное, в современных лингвистических исследованиях, особенно касающихся языковой прагматики, языковое поведение может рассматриваться как "результат интеграции разных видов деятельности в реальном времени (включая те, которые имеют знаковую сущность). При таком подходе наш интерес уже не ограничивается исключительно формальными структурами, мы ставим вопрос о том, как они интегрированы с ситуативно обусловленными событиями в реальном времени. В центре внимания оказывается "язык первого порядка". Этот вид деятельности является полностью воплощенным, но, в то же время, он опирается на культурные паттерны, организованные вокруг формирующих социальную жизнь текстов и речи" (Коули, Кравченко, 2006).

Мы приспособляем общество к себе, когда пытаемся воплотить на практике собственные желания. По этой причине язык можно считать средством воздействия на общество не только через непосредственные коммуникативные связи различных социальных агентов со всей характерной для них спецификой их социальных позиций, но и через поэтическое (или, шире, художественное) видение мира, построенное главным образом на эмоциональной основе. Это позволяет, таким образом, воспринимать язык как среду, из которой человек воспринимает не только информацию о внешних объектах, с которыми можно было бы чисто прагматически взаимодействовать, но и знания о распространенных в обществе ценностях, предписания о должном и недопустимом поведении, о прекрасном и безобразном – то есть, иными словами, язык понимается как средство управления поведением индивида и ограничения возможного разнообразия его поведенческих реакций, сведения их к сравнительно небольшому набору предсказуемых и ритуализованных действий.

Очевидно, что язык при такой его интерпретации оказывается фактом глубоко социальным по своей природе. Без языка, несомненно, нет сознания, а значит, нет и человека, но и языка нет без социума и формирующих его социальных (и, среди прочего, коммуникативных) практик, что отлично понимал Потебня. Само слово в его лингвистическом учении представляется не просто ярлыком, который более или менее произвольно навешивается обществом на те или иные объекты, а символом, выражающим сущность вещи. Но это не следует понимать так, будто слово понимается в его теории как некий мистический знак, неразрывно связанный какими-то магическими связями с обозначаемым предметом и выражающий сущность этого предмета, не зависящую от слова и языка. На самом деле сущность вещи имеется не до слова, а лишь *после* него. "Слово, – пишет Потебня, – выражает не все содержание понятия, а один из признаков, именно тот, который представляется народному воззрению важнейшим" (Потебня, 2000). Иными словами, сначала формируется все-таки единичное понятие, понятие о данном конкретном предмете со всеми его особенностями, которое затем фиксируется в слове, и лишь потом появляется возможность говорить о сущности вещи как предмета, принадлежащего к определенному классу объектов. Язык, таким образом, выступает здесь существенным образом как социальный факт, как явление, обусловленное социальными практиками и вообще существованием индивида в обществе, включенностью его в общественные отношения, его позицией в обществе и его социальными устремлениями, так что легко сделать отсюда вывод, что язык даже отдельного индивида (а, следовательно, и его мышление, и его мировоззрение) будет меняться по мере изменения его социального статуса.

5. Заключение

Как видим, в учениях Потебни и Гумбольдта есть и много общего, и много различного. Для Гумбольдта язык – это продукт бессознательной силы, имманентной человеческой природе и проявляющейся спонтанно в самых разных формах человеческой деятельности. В его теории не только язык как знаковая система, призванная точно и адекватно описывать окружающую индивидуальную реальность, но и искусство, в частности, поэзия, предстают как порождение изначально присущей виду *Homo sapiens* языковой способности, т.е. способности *обозначать*, символизировать внешний мир, передавая информацию о нем другим людям так, что нет уже необходимости для них непосредственно присутствовать в описываемых в сообщении условиях. Иными словами, общительность, способность к коммуникации, по мнению Гумбольдта, изначально заложена в человеке и просто не могла не проявиться в тех или иных обстоятельствах. А из этого следует, что и социальность тоже является имманентным человеческой природе свойством, которое проявится неизбежно, как только появятся сколько-нибудь подходящие для этого условия. Можно предположить даже, что давление внутренней потребности приведет человека, находящегося в полном одиночестве, к измышлению для себя хоть какого-нибудь, пусть воображаемого "квази-социума", с которым можно будет наладить общение. (На самом деле так оно часто и происходит: человек, испытывающий серьезные и неустраняемые трудности в общении с другими, ведет дневник, обращаясь к воображаемому собеседнику; человек, живущий в глухой тайге или оказавшийся на необитаемом острове, может начать разговаривать с животными, которых ему удалось приручить, – разговаривать для того, чтобы, как иногда говорят, "не сойти с ума от одиночества".)

У Потебни есть идеи, во многом сходные с теми, что были высказаны Гумбольдтом. В частности, это мысль об имманентно присущей человеку языковой способности и идея о первичности практической, разговорной речи перед языком. Хорошо известно, насколько большую роль играют в деятельности психики человека эмоции. Именно для выражения этих эмоций, согласно Потебне, и формируется у человека язык. Иными словами, если у Гумбольдта человеку по природе свойственно *обозначать*, то у Потебни человеку по природе свойственно *выражать*, и язык в концепции русского мыслителя имеет, прежде всего, экспрессивную функцию. Исходя из этого, становится понятным и место поэзии как феномена культуры в концепции Потебни: поэзия оказывается у него первичной формой языковой деятельности именно по той причине, что, перефразируя Аристотеля, все люди от природы стремятся к самовыражению, а наилучшей формой его будет именно поэтическая форма. Человек, находясь под впечатлением какого-то события или явления, старается выразить это впечатление, сравнивая его с другими, знакомыми ему, но сравнение это осуществляется не по строго логическим законам, а по случайным признакам сравниваемых предметов, которые не обязательно являются существенными для понятия о данных объектах вообще, а просто оказались ситуативно-актуальными. Отсюда и иное, чем у Гумбольдта, представление о социальной природе языка и, следовательно, человека: человек социален именно потому, что хочет выразить другому свое впечатление от окружающей реальности, а не потому, что его побуждает к этому врожденная ему языковая способность. Тот, кого ничто не впечатляет, у кого ничто вокруг не возбуждает никаких эмоций и желаний, никогда не будет склонен к общению, а значит, и не будет способен к производству языка.

Литература

- Блинов А.В.** Немецкие грамматисты до В. Гумбольдта и Я. Гримма. В кн.: *В. Гумбольдт и братья Гримм – труды и преемственность идей. Под ред. Ю.В. Рождественского и А. Шпроя. М., Изд-во МГУ, с.140, 1987.*
- Гумбольдт В. фон.** О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие. В кн.: *Избранные труды по языкознанию. М., Прогресс, с.324, 2000а.*
- Гумбольдт В. фон.** О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. *Там же, с.51, 2000б.*
- Коули С.Д., Кравченко А.В.** Динамика когнитивных процессов и науки о языке. *Вопросы языкознания, № 6, с.134, 2006.*
- Нарский И.С.** Западноевропейская философия XVII века. М., *Высшая школа, с.78, 1974.*
- Потебня А.А.** О некоторых символах в славянской народной поэзии. В кн.: *Символ и миф в народной культуре. М., Лабиринт, с.5, 2000.*
- Потебня А.А.** Мысль и язык. Полн. собр. трудов. М., *Лабиринт, с.21, 1999.*
- Сергеев К.А., Слинин Я.А.** "Феноменология духа" Гегеля как наука об опыте сознания. СПб., *Наука, с.XXXI, 2002.*